

Бертран Рассел О ценности скептицизма filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Бертран Рассел

О ценности скептицизма

Я хочу предложить благосклонному вниманию читателя анализ учения, которое, опасаясь, может показаться невероятно парадоксальным и разрушительным. Это учение, по сути, состоит в следующем: нежелательно верить в утверждение, если нет какого-либо основания для подтверждения его истинности. Я должен, конечно, допустить, что если такое мнение станет общим, оно полностью изменит нашу общественную жизнь и нашу политическую систему; а так как обе в настоящем безупречны, это состояние дел должно рассматриваться как контраргумент данному учению. Я также сознаю (и это более серьезный довод), что распространение этого учения поведет к понижению доходов ясновидцев, букмекеров и тех, кто не делает ничего, чтобы заслужить доброе отношение сейчас или в будущем. Несмотря на эти веские аргументы, я утверждаю, что доводы для моего парадокса могут быть доказаны, и я попытаюсь изложить их.

Прежде всего, я не хотел бы, чтобы меня рассматривали как человека, придерживающегося крайних взглядов. Я – Британский Виг испытывающий Британскую любовь к компромиссу и выдержке. Обычно рассказывают одну историю о Пирроне, основателе пирронизма (старое название скептицизма). Он утверждал, что мы никогда не знаем достаточно, чтобы быть уверенными, что поступить одним образом умнее, чем поступить иначе. В юности прогуливаясь однажды вечером, он увидел своего учителя философии (от которого он усвоил свои принципы) застрявшим с головой в канаве и неспособным выбраться оттуда. После некоторого созерцания он двинулся дальше, полагая, что нет достаточного основания думать, что он сделает добро, вытащив старика. Другие, менее скептические, спасли учителя и осудили Пиррона за бессердечность. Но учитель, верный своим принципам, похвалил его за последовательность. Сейчас я не защищаю героический скептицизм, подобный этому. Я готов согласиться с обычными убеждениями здравого смысла на практике, если не в теории. Я готов допустить любой хорошо обоснованный результат науки не как несомненную истину, но как достаточно вероятную для того, чтобы стать основанием разумного действия. Если объявляется, что будет в такой-то день затмение Луны, я думаю, что стоит, по крайней мере, посмотреть и увидеть, имеет ли оно место. Пиррон думал бы иначе. На этом основании я считаю оправданным защиту срединной позиции.

Существуют вопросы, по которым исследующие их ученые соглашаются; даты затмений могут служить примером. Существуют другие вопросы, по которым эксперты не соглашаются. Даже когда все эксперты согласны, они тоже могут ошибаться. Точка зрения Эйнштейна на величину преломления света вследствие гравитации еще не так давно отвергалась всеми экспертами, и тем не менее, доказано, что она правильна. И все же, если эксперты единогласны в отношении какого-либо вопроса, то их мнение должно восприниматься неэкспертами как более верное, чем противоположное мнение. Скептицизм, который я отстаиваю, означает лишь следующее: (1) когда эксперты согласны во мнениях, противоположное мнение не может считаться несомненным; (2) когда они не согласны во мнениях, ни одно мнение не может рассматриваться неэкспертом как несомненное и (3) когда они все полагают, что нет достаточных оснований для наличия позитивного мнения, обычный человек поступит правильно, отложив вынесение своего собственного суждения.

Эти утверждения могут показаться умеренными, тем не менее, будучи воспринятыми, они могут коренным образом изменить человеческую жизнь.

Все мнения, из-за которых люди вступают в борьбу и подвергаются гонениям, принадлежат к одному из трех классов, которые такой скептицизм осуждает. Когда существуют разумные основания для мнений, люди с удовольствием их формулируют и ожидают, что на основании этих мнений можно будет действовать. В таких случаях

люди не отстаивают свои мнения со страстью; они спокойно излагают и обосновывают их. Мнения, которые излагают с пристрастием, всегда таковы, что для них не существует достаточного основания; в самом деле, пристрастие есть показатель того, что сторонник данной точки зрения не обладает достаточными рациональными основаниями для ее защиты. Мнения в политике и религии практически всегда излагаются с пристрастием. За исключением Китая, человек мыслится жалким творением, пока не выработает определенное мнение по подобным вопросам; люди ненавидят скептиков гораздо больше, чем они ненавидят страстных защитников мнений, враждебных их собственным. Считается, что в соответствии с требованиями практической жизни человек должен иметь определенное мнение по данным вопросам, и что если мы станем более разумными, существование общества станет невозможным. Я верю в противоположное и попытаюсь объяснить, почему я так считаю.

Возьмем проблему безработицы после 1920 г. Одна партия считала, что безработица возникла из-за безнравственности трейд-юнионов, другая – что из-за сложной ситуации в Европе. Третья партия, допуская, что эти причины имеют значение, приписывала основную вину политике Банка Англии, пытавшегося повысить стоимость фунта стерлингов. Эта партия, как я понимаю, состояла в своем большинстве из экспертов, а остальные – нет. Политики не находят прелести во взглядах, которые сами по себе не несут партийного красноречия а простые смертные предпочитают взгляды, которые приносят несчастье махинациям их врагов. Поэтому люди борются «за» и «против» несоответствующих действий, в то время как тех нескольких кто излагает рациональные взгляды, не слушают, потому что они не служат чьим-либо страстям. Чтобы привлечь в партию новых людей, необходимо убеждать их, что Банк Англии грешен. Чтобы привлечь лейбористов, нужно показать, что директора Банка Англии враждебны трейд-юнионам, чтобы привлечь Лондонского епископа, необходимо показать, что они «аморальны». Тогда будет логично помыслить, что их взгляды на деньги ошибочны.

Возьмем другую иллюстрацию. Часто говорят, что социализм противоречит человеческой природе, и это утверждение опровергается социалистами с тем же пылом, с каким оно провозглашается их оппонентами. Покойный доктор Риверс, о чьей смерти мы безмерно скорбим, обсуждал этот вопрос в лекции в университетском колледже, посмертно опубликованной в книге «Психология и политика». Это единственное, известное мне обсуждение данного вопроса, претендующее на звание научного. В нем приводятся некоторые антропологические данные, которые показывают, что в Меланезии социализм не противоречит природе человека. Далее отмечается, что мы не знаем, одинакова ли природа человека в Меланезии и в Европе; и далее делается заключение, что единственный путь обнаружить, противоречит ли социализм природе европейского человека – это испытать его. Интересно, что на основании этого заключения он хотел стать кандидатом от лейбористской партии. Но он, конечно, не обладал тем пылом и страстью, с которыми обычно проходят политические дискуссии.

А теперь я осмелюсь поднять тему, бесстрастно обсуждать которую людям особенно трудно, а именно брачные обычаи. Большая часть населения каждой страны убеждена, что все брачные обычаи, отличные от их собственных, аморальны, и что те, кто борются с этим мнением, делают так только для того, чтобы оправдать свою собственную распушенность. В Индии повторный брак вдовы считается настоящим ужасным, что об этом даже и не думают. В католических странах развод считается безнравственным, но к некоторому несоблюдению супружеской верности, по крайней мере со стороны мужчин, относятся терпимо. В Америке развестись легко, но внебрачные отношения осуждаются с предельной жесткостью. Магометане верят в полигамию, которую мы считаем деградацией. Все эти разные мнения утверждаются с крайней горячностью, и весьма жестокие гонения обрушиваются на тех, кто высказывается против. Однако никто ни в одной стране не сделал и слабой попытки показать, что обычай его страны больше способствует человеческому счастью, чем обычаи других.

Когда мы откроем какой-либо научный трактат по этому вопросу, например «Историю человеческих браков» Вестермарка (известный шведский философ), мы обнаружим подход, совершенно отличный от распространенных предубеждений. Мы увидим, что многие из огромного разнообразия обычаев, как мы должны предположить, отвратительны для людей. Мы думаем, что можем понять полигамию как обычай, насильно подчиняющий женщину мужчине. Но что мы скажем о тибетском обычае, согласно которому женщина имеет нескольких мужей? И тем не менее, путешественники по Тибету уверяют нас, что тамашняя семейная жизнь по крайней мере так же гармонична, как и в Европе. Немного подобного чтения скоро приведет

любого беспристрастного человека к полному скептицизму, поскольку, по-видимому, нет ни одного факта, на основании которого мы можем сказать, что один брачный обычай лучше или хуже другого. Почти все обычаи содержат в себе безжалостность и нетерпимость к людям, нарушающим местные моральные нормы, но в других отношениях они не имеют ничего общего. Кажется, что это грех географический. От этого заключения только маленький шаг до следующего, а именно что понятие «греха» иллюзорно и что безжалостность, обычно практикуемая в отношении нарушающих обычаи, не необходима. Такой вывод весьма нежелателен для многих, поскольку сознательная жестокость доставляет наслаждение моралистам. Вот почему они придумали Ад.

Национализм, конечно, крайний пример горячей веры в сомнительные ценности. Я думаю, точнее сказать, что любой историк, который пишет сейчас историю мировой войны, вынужден делать утверждения за которые, если бы они были сделаны во время войны, он попал бы в тюрьму в любой из воюющих стран. Опять же, за исключением Китая нет такой страны, где люди терпимо воспринимают правду о самих себе; в обычные времена правда рассматривается лишь как невоспитанность но в военное время она считается преступной. Создаются противоположные системы неистовых верований, ложность которых очевидна, поскольку в них верят только те люди, кто разделяет одни и те же национальные пристрастия. Но рациональное рассмотрение этих систем воззрений считается таким же злонамеренным и вредным поступком, как и раньше считалось рациональное рассмотрение религиозных догматов. Если спросить людей о том, почему в таких вопросах скептицизм безнравствен, единственным ответом будет следующий: мифы помогают выиграть войны, поэтому нация, придерживающаяся рациональных взглядов, скорее будет повержена, чем победит. Тот взгляд, что существует нечто позорное в спасении чьей-либо шкуры путем массовой клеветы на иностранцев, насколько я знаю, до сих пор не нашел поддержки среди профессиональных моралистов, за исключением квакеров. Если предположить, что нация, придерживающаяся рациональных взглядов, найдет способ жить вместе и не допускать войны, то ответом будет только оскорбление.

Каким же может быть результат распространения разумного скептицизма? Действия людей совершаются на основе страстей, что сопровождается созданием соответствующих мифов. Психологи изучают индивидуальное проявление этого процесса у сумасшедших, явных и неявных. Человек, страдающий каким-либо расстройством, выдумывает теорию, что он – король Англии, и развивает все виды остроумных объяснений того факта, что он не пользуется тем уважением, которого требует его величественное положение. В этом случае его иллюзию не разделяют соседи, поэтому они заключают больного в сумасшедший дом. Но если вместо того, чтобы отстаивать только собственное величие, он заявляет о величии его нации, его класса или веры, он завоевывает толпы сторонников и становится политическим или религиозным лидером, даже если для непредвзятого стороннего наблюдателя его взгляды кажутся такими же абсурдными, как и у обитателя психиатрической лечебницы. Таким образом возрастает коллективное безумие, которое следует законам, очень схожим с законами индивидуального безумия. Каждый знает, что опасно спорить с сумасшедшим, который думает, что он – король Англии;

но если его изолировать, он может быть побежден. Когда же вся нация разделяет подобную иллюзию, ее гнев того же рода, что и присутствует у сумасшедшего-одиночки, если его претензии оспариваются, но ничего, кроме войны, не может заставить ее подчиниться разуму.

Та роль, которую играют интеллектуальные факторы в человеческом поведении, – это проблема, по которой существует много разногласий между психологами. Есть два довольно разных вопроса: (1) в какой мере убеждения могут выступать в качестве причин поступков? (2) в какой мере убеждения выводимы из логически адекватных фактов или могут быть из них выведены? По обоим вопросам психологи согласны отводить интеллектуальным факторам намного меньше места, чем отведет обычный человек, но внутри этого общего согласия существуют значительные по степени разногласия. Рассмотрим оба вопроса в их последовательности.

(1) В какой мере убеждения могут выступать в качестве причин поступков? Позвольте нам не обсуждать этот вопрос теоретически, но разрешите взять обычный день обычного человека. Он начинается с утреннего пробуждения, может быть, силой привычки, независимо от убеждений. Он съедает свой завтрак, поспевает к поезду, читает газету и добирается до своего офиса – все в силу привычки. Когда-то в прошлом он сформировал эти привычки, и, по крайней мере при выборе профессии, он руководствовался убеждениями. Возможно, со временем он поверил в то, что работа,

Бертран Рассел О ценности скептицизма filosoff.org
предложенная ему, настолько хороша, насколько ему хотелось. У большинства людей убеждения играют роль в первоначальном выборе профессии и, следовательно, опосредовано во всем, что влечет за собой этот выбор.

На службе, если он простой работник, он может продолжать действовать просто по привычке, без активного волевого акта и без явного участия убеждений. Можно подумать, что если он складывает столбики цифр, он верит в арифметические правила, которые применяет. Но это будет ошибкой; эти правила суть только привычки его тела, как привычки игрока в теннис. Они были приобретены в юности, не по интеллектуальной убежденности их соответствия истине, а благодаря школьному учителю, подобно тому, как собака учится сидеть на задних лапах и служить, чтобы получить еду. Я не говорю, что все образование подобного рода, но, конечно, таково основное обучение в начальной школе.

Если, однако, наш друг – компаньон или директор, то, возможно, он вынужден в течение дня принимать трудные принципиальные решения. Возможно, что в этих решениях какую-то роль будут играть убеждения. Он полагает, что некоторые дела будут успешны, а некоторые – нет, что такой-то человек платежеспособен, а этот – на грани банкротства. Исходя из этих соображений, он действует. И это только потому, что он должен действовать на основании скорее убеждений, чем просто по привычке, что он рассуждает как более ответственный человек, чем простой клерк, и способен заработать гораздо больше денег, – при условии, что его убеждения правильны.

В его семейной жизни будет такой же процент ситуаций, когда убеждение является причиной для действия. В обычное время его поведение по отношению к жене и детям будет управляться привычкой или инстинктом, видоизмененным привычкой. В принципиальных случаях: когда он предлагает девушке выйти за него замуж, когда он решает, в какую школу отдать сына, или когда он находит причину подозревать свою жену в неверности, – он не может целиком руководствоваться привычкой. Предлагаю девушке выйти за него замуж, он может руководствоваться простым инстинктом или он может находиться под влиянием веры, что леди богата. Если он руководствуется инстинктом, он, без сомнения, верит, что леди обладает всеми добродетелями, и это может казаться ему причиной его поступка, но в действительности это просто другое проявление инстинкта, которого итак достаточно для объяснения его поступка. Выбирая школу для своего сына, он, вероятно, будет действовать во многом так же, как принимая трудные деловые решения; здесь убеждение обычно играет важную роль. Если у него появляются данные, свидетельствующие, что его жена неверна, его поведение похоже на чисто инстинктивное, но инстинкт запускается в действие убеждением, являющимся первой причиной всего, что потом произойдет.

Таким образом, хотя убеждения не ответственны непосредственно за немалую часть наших действий, действия, за которые они ответственны, являются наиболее важными и в значительной степени определяют основную структуру нашей жизни. В частности, наши религиозные и политические действия связаны с убеждениями.

(2) Теперь я перехожу ко второму вопросу, который, в свою очередь, состоит из двух: (а) в какой мере убеждения на самом деле основаны на фактах? (б) насколько возможно или желательно, чтобы они были таким образом обоснованы? (а) То, в какой мере убеждения основаны на фактах, гораздо меньше предполагаемого. Возьмем деятельность, которая в наибольшей степени близка рациональной: вложение денег богатым финансистом из Лондон-Сити. Вы скоро обнаружите, что его мнение, скажем, по вопросу, поднимется или упадет французский франк, зависит от политических симпатий, и, более того, настолько сильно зависит, что он готов рискнуть деньгами ради этого. При банкротствах часто случается, что какой-то сентиментальный фактор оказался действительной причиной крушения. Политические мнения едва ли когда-либо основывались на фактах, за исключением мнений государственных служащих, которым запрещено их высказывать. Это, конечно, исключение. В полемике о тарифной реформе, которая началась несколько лет назад, большинство производителей поддерживали сторону, которая бы увеличила их собственные доходы, показывая, что их мнения действительно были основаны на фактах; однако их высказывания меньше всего позволяли это предположить. В данном случае ситуация усложняется. Фрейдисты приучили нас к «рационализации», то есть к процессу изобретения того, что представляется нам рациональными основаниями для принятия решения или мнения, что на самом деле довольно иррационально. Но существует, особенно в англоязычных странах, обратный процесс, который может быть назван «иррационализацией». Проницательный человек суммирует более или

Бертран Рассел О ценности скептицизма filosoff.org
менее подсознательно «про» и «контра» вопроса с эгоистической точки зрения. (Неэгоистические соображения редко взвешиваются подсознательно, за исключением тех случаев, когда это касается собственных детей.) Придя к здравому эгоистическому решению с помощью бессознательного, человек продолжает выдумывать или заимствовать у других набор весьма здравых фраз, показывая, как он способствует общественному благу ценой безмерной личной жертвы. Любой человек, верящий, что эти фразы отражают реальные причины его действий, должен предположить, что он не совсем способен оценить реальные факты, поскольку его действия не ведут к предполагаемому общественному благу. В этом случае человек представляется менее рациональным, чем он есть; но, что более странно, его иррациональный пласт сознателен, а рациональный пласт – бессознателен. Именно эта черта характеров делает англичан и американцев такими удачливыми.

Проницательность, если она настоящая, принадлежит более к бессознательной, чем к сознательной части нашей натуры. Это, я полагаю, основное качество, необходимое для успеха в бизнесе. С моральной точки зрения, это – скромное качество, так как оно всегда эгоистично; и тем не менее, его достаточно, чтобы удержать людей от наихудших преступлений. Если бы этим качеством обладали немцы, они бы не выбрали неограниченную войну подводных лодок. Если бы этим качеством обладали французы, они бы не вели себя так, как они это сделали в Руре. Если бы этим качеством обладал Наполеон, он бы не возобновил войну после битвы под Амьеном. Можно сформулировать основное правило, для которого существует лишь несколько исключений, что когда люди ошибаются в том, что касается их собственных интересов, то, что они считают разумным, является более губительным для других, чем то, что на самом деле разумно. Следовательно, все, что заставляет людей задуматься над их собственными интересами, служит во благо. Существуют бесчисленные примеры того, как люди становились счастливыми потому, что по соображения чисто моральным они поступали таким образом, который, как они полагали, противоречит их собственным интересам. Например, среди первых квакеров был ряд лавочников, которые выбрали практику запрашивать за свои товары не больше, чем люди соглашались платить, вместо того чтобы торговаться с каждым покупателем, как это делали все остальные. Они выбрали эту практику потому, что считали ложью запрашивать больше, чем они могут взять. Но выгода покупателей была так велика, что каждый приходил в их магазины, и они богатели. (Я забыл, где я читал это, но если моя память мне не изменяет, это был какой-то надежный источник.) Подобная политика могла основываться просто на проницательности, но фактически никто не был в достаточной мере проницателен. Наше бессознательное более недоброжелательно, чем оно нам представляется; поэтому люди, которые в основном делают то, что действительно в их интересах, – это те, кто обдуманно, с моральной точки зрения, делают то, что как они думают, против их интересов. Следом за ними идут люди, которые пытаются обдумывать рационально и сознательно то, что в их собственных интересах, выводя за пределы мысли влияние страстей настолько, насколько это возможно. Третьими идут люди, которые обладают инстинктивной проницательностью. Самыми последними идут те, чье злорадство уравновешивает их проницательность, заставляя их разрушать жизнь других и в конце концов разрушить самих себя. Эти последние составляют 90 % населения Европы.

Может показаться, что я несколько отклонился от своей темы, но было необходимо отделить бессознательный разум, который называется проницательностью, от разнообразия сознательного. Обычные методы образования практически не воздействуют на бессознательное, поэтому невозможно научить проницательности с помощью наших современных методов. Также кажется, что невозможно обучить современными методами этике, за исключением той ее части, которая состоит из простых привычек; во всяком случае, я никогда не замечал никакого благотворного влияния на людей частых увещаний. Следовательно, исходя из наших современных оснований, любое преднамеренное улучшение должно проводиться интеллектуальными средствами. Мы не знаем, как научить людей быть проницательными или виртуозными, но мы знаем, до известной степени, как научить их быть рациональными: необходимо только изменить господствующую в каждом конкретном случае практику обучения. Мы можем в будущем учить творить добро путем манипуляции с железами внутренней секреции и стимуляцией или обузданием их выделений. Но в настоящем легче создать рациональность, нежели добродетель, понимая под «рациональностью» научную привычку ума предвидеть последствия наших действий.

(б) Это привело меня к вопросу: в какой мере могут или должны действия человека быть рациональными? Позвольте начать с рассмотрения «могут». На мой взгляд, существуют весьма определенные пределы, ограничивающие рациональность; некоторые

наиболее важные области нашей жизни были бы разрушены вторжением разума. Лейбниц в пожилом возрасте рассказывал в переписке, что он только однажды попросил даму выйти за него замуж, и это произошло, когда ему было пятьдесят. «К счастью, – добавил он, – дама попросила меня подумать. Это дало и мне время подумать, и я отозвал свое предложение». Несомненно, его поведение было очень разумно, но я не могу сказать, что восхищаюсь им.

Шекспир соединил «сумасшедшего, влюбленного и поэта», чтобы «в воображении все было слито». Проблема в том, чтобы сохранить влюбленного и поэта без сохранения сумасшедшего. В 1919 году я видел «Троянских женщин» в театре «Олд Вик». Там есть невыносимо патетическая сцена, когда греки убивают Астианакта из страха, что он вырастет и станет вторым Гектором. Едва ли в театре нашлась бы пара сухих глаз, и публика с трудом верила в жестокость греков в пьесе. Однако те же самые люди, которые плакали в театре, в то же самое время действовали с жестокостью, недоступной воображению Еврипида. Позднее они (большинство из них) проголосовали за правительство, которое продлило блокаду Германии после прекращения военных действий и наложило блокаду на Россию. Известно, что эта блокада послужила причиной смерти безмерного числа детей, но уменьшение населения враждебных стран переживалось как желательное: их дети, как и Астианакт, могли вырасти и превзойти своих отцов. Еврипид-поэт пробудил в воображении публики влюбленного, но влюбленный и поэт были забыты за дверями театра, и сумасшедший (в виде смертоносного маньяка) контролировал политические действия этих мужчин и женщин, которые думали, что они добры и целомудренны.

Возможно ли сохранить влюбленного и поэта без сохранения сумасшедшего? В каждом из нас в различной степени существуют все трое. Так ли тесно они связаны, что если взять под контроль одного из них, другие умрут? Я не верю в это. Я верю, что в каждом из нас есть некая энергия, которая должна найти выход не в разумных действиях, но, может быть, в искусстве страстной любви или страстной ненависти, по обстоятельствам. Респектабельность, постоянство и рутина – вся железная дисциплина современного индустриального общества – обескровила артистический импульс и заключила в тюрьму любовь, так что она не может быть больше благородной, свободной и созидающей, но должна быть или чванливой, или тайной. Контроль был наложен именно на те вещи, которые должны быть свободными, в то время как зависть, жестокость и ненависть расползаются во все стороны с благословения почти всего клана епископов. Наши инстинкты делятся на две составляющие: одни ведут в нашу будущую жизнь и в будущую жизнь наших потомков, другие ведут к разрушению жизни предполагаемых противников. Первые включают и радости жизни, и любовь, и искусство, которое физиологически является ответвлением любви. Вторые включают конкуренцию, патриотизм и войну. Соглашательская мораль делает все, чтобы подавить первую и поощрить вторую. Истинная мораль делает прямо противоположное. Наши поступки в отношении тех, кого мы любим, могут быть с безопасностью предоставлены инстинкту; но наши действия в отношении тех, кого мы ненавидим, должны быть приведены под власть разума. В современном мире те, кого мы действительно ненавидим, – это отдаленные группы, преимущественно другие нации. Мы рассматриваем их абстрактно и обманываем себя, полагая, что действия, которые в действительности воплощают ненависть, совершаются из любви к справедливости или из-за какого-то подобного возвышенного мотива. Лишь большая мера скептицизма может сорвать покровы, скрывающие от нас эту истину. Достигнув этого, мы сможем приступить к созданию новой морали, основанной не на зависти и ограничении, но на желании полноты жизни и осознании того что другие люди – это помощь, а не препятствие, тогда безумие зависти будет излечено. Это не утопическая мечта, это было частично реализовано в елизаветинской Англии. Это может быть реализовано завтра, если люди научатся создавать собственное счастье, а не страдания других. Это не невыносимо аскетическая мораль, тем не менее, ее принятие вернет на нашу землю рай.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!